

ОТЕЦ ФЕОНА

МОНАХ-СЫЩИК

АНАТОЛИЙ ЛЕОНОВ

СМЕРТЬ
ТОЛЬКО НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД
КАЖЕТСЯ ТАЙНОЙ

СВЯТОЙ
САТАНА

Отец Феона. Монах-сыщик

Анатолий Леонов

Святой сатана

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов А. О.

Святой сатана / А. О. Леонов — «Эксмо», 2021 — (Отец Феона. Монах-сыщик)

ISBN 978-5-04-156144-4

В монастырь к чудотворцу Иову привозят бывшую царскую невесту Марию Хлопову. Иов исцеляет девушку, но лекарь, состоящий при Хлоповой, сомневается в чуде исцеления. Рассерженный старец пророчит ему скорую кончину. Спустя некоторое время лекаря действительно находят мертвым в крепостном рву. Иова незамедлительно обвиняют в колдовстве. Отец Феона и его верный ученик Маврикий берутся расследовать подозрительную смерть лекаря, которая, как оказалось, стала началом цепи загадочных преступлений...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156144-4

© Леонов А. О., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Глава восьмая	34
Глава девятая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анатолий Леонов

Святой сатана

© Леонов А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

ОТЕЦ
ФЕОНА
монах-сыщик

АНАТОЛИЙ ЛЕОНОВ

СВЯТОЙ САТАНА

МОСКВА 2021

Пролог

Весной 1621 года от Рождества Христова нескончаемые вьюги заметали дороги Европы. Города Швеции и Германии утопали в сугробах по самые крыши. Даже во Франции свирепствовала снежная пурга. Неестественные морозы сковали Париж. До конца апреля город пребывал заложником в ледяном плену разбушевавшейся стихии. Не лучше дела обстояли и на юге. В итальянской Падуе выпал снег «неслыханной глубины», а у турок в Османской империи замерз Босфор, да так крепко, что люди безбоязненно ходили по льду с одного его берега на другой. Армянские хронисты сообщали то же самое об озере Севан.

За океаном первые английские переселенцы Плимутской колонии, только в ноябре 1620 года сошедшие с торгового судна «Мейфлауэр» на американскую землю, крайне тяжело перенесли сильные морозы и голод, свалившиеся на их головы. Лишь немногие дожили до теплых весенних дней и, если бы не бескорыстная помощь местных индейцев, выживших не было бы вовсе.

Впрочем, суровая погода никак не мешала европейцам заниматься своим любимым, веками испытанным занятием – войной, взаимным уничтожением с грабежами и насилием. В Чехии после разгромной победы в битве при Белой горе, католики по всей стране со вкусом и удовольствием резали кальвинистов и лютеран. Ровно так же, как за несколько лет до этого кальвинисты и лютеране с боевым задором резали самих католиков.

В Трансильвании князь Габор Бетлен, лишенный австрийскими Габсбургами венгерской короны, копил силы и в открытую заявлял свои права не только на венгерскую, но уже и на польскую корону. Кто знает, чем бы обернулись его притязания и как закончилось многолетнее кровавое противостояние с австрийцами, если бы в момент подготовки нового «крестового похода» на Габсбургов он вдруг не заболел, после чего очень быстро отдал богу душу, не оставив после себя прямых наследников!

В Каталонии крепостные крестьяне Ла Висбалы с оружием в руках перебили всех своих сеньоров и, соединившись с городским плебсом, превратили восстание в большую войну за отделение Каталонии от Испании. Она растянулась на десятилетия, получив название «войны жнецов». Вице-король Каталонии Санта-Колома требовал от Мадрида: «Пошлите мне королевскую армию, достаточно сильную для того, чтобы сокрушить этот народ». Армия не помогла. Крестьяне и присоединившиеся к ним горожане Барселона напали на дворец вице-короля и дома испанских вельмож и всех убили, в том числе самого Санта Колому. Лишь 32 года спустя Барселона сдалась Филиппу IV, которому пришлось подтвердить все вольности и привилегии каталонцев.

В 1620 году датчане захватили у раджи Танджура город Транкебар, а потом более двухсот лет не знали, что им с таким приобретением делать, пока наконец не спихнули этот балласт за 20 тысяч фунтов жадным до чужих территорий англичанам.

В том же году турки захватили крепость Хотин и начали поход на Речь Посполитую. Очередная война заставила поляков на время забыть свои притязания на Московский стол и сосредоточиться на новом противнике. Откровенного вранья и глупого бахвальства спесивые ляхи оставили после той войны много больше, чем это доступно здравому смыслу, но то, что война, в которой погибли почти все лошади, показала малую пригодность конницы в позиционных боях, а хваленые крылатые гусары не оказали должного влияния на ход боевых действий – это истина, оспариваемая только глупцами. Наступали новые времена. Решающую роль в войне теперь играли пехота и артиллерия, и то и другое у поляков оказалось критически плохим, что в дальнейшем сослужило им дурную службу.

В Лондоне английский парламент начал борьбу с королевским двором. За продажность и мздоимство был осужден и отправлен в ссылку лорд-канцлер Френсис Бэкон, получивший

тем самым возможность вдали от государственных дел сосредоточиться исключительно на философских сочинениях, что в конечном счете послужило человечеству только на пользу.

В то же время живший в Лондоне голландец Корнелиус Дреббель, за год до того создавший микроскоп с двумя выпуклыми линзами, в 1620 году построил подводную лодку. Его творение способно было оставаться под водой в течение нескольких часов, брать на борт до 16 пассажиров и погружаться на глубину 15 футов. Лодка совершила множество плаваний по Темзе, но так и не смогла вызвать энтузиазма у чинов Адмиралтейства. Впоследствии Дреббель изобрел инкубатор для цыплят, ртутный термостат, сконструировал систему кондиционирования воздуха, однако разбогатеть так и не смог, до конца жизни живя за счет собственного небольшого трактира.

В 1621 году фламандский живописец Рубенс закончил картину «Охота на львов», испанский драматург, поэт и прозаик Феликс Лопе де Вега опубликовал новеллу «Приключения Дианы» и поэму «Андромеда», а в далекой Аргентине в городе Кордова был основан университет Сан-Карлос.

А в России от Псковского озера до Енисея, от Студеного океана до Каспийского моря люди ничего необычного в наступивших холодах не заметили, справедливо полагая – чуть теплее зима или чуть суровее, какая разница? Ни один русский летописец не удостоил напугавшую Европу стужу ни малейшим упоминанием. Писали тогда много, писали по делу. О прибытии в Россию зарубежных мастеров-«рудознатцев». О создании Анисимом Михайловым «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» и начале издания Посольским приказом первой рукописной газеты «Куранты», которая содержала переводные иностранные новости. Об окончании работы государевым жалованным иконописцем Прокопием Чиринным росписи новых царских хором: Столовой избы и Постельной комнаты. Сообщали о приезде в Москву к государю Михаилу Федоровичу царских посольств Имеретии и Гурии, искавших в Российской державе защитника от Османской империи. Отметили и неожиданное прибытие ко двору посланника гетмана Петра Сагайдачного, предлагавшего послужить своим казацким войском царю так же, как служили ему казачки донские. Упыря этого на Москве хорошо помнили, поэтому ответили уклончиво и, одарив посланника щедрыми подарками, отправили обратно. Государство Российское крепло и богатело на глазах изумленных иноземцев, еще недавно в мыслях и наяву деливших ее территорию между собой. Теперь не только торговать, но и служить ей стало привлекательно и выгодно для многих европейских искателей приключений. Шел 7129 год от сотворения мира, или 1621-й от Рождества Христова. Начался он интересно. То ли еще впереди?

Глава первая

В конце апреля весна наконец добралась и до Москвы, а в высокой каменной подклети Аптекарского приказа, находившегося в Кремле, напротив Чудова монастыря, несмотря на установившиеся теплые дни было сумрачно и сыро. Холод гулял по пустынным покоем, тесным клетушкам и узким переходам, заставленным громоздкими шкапами, стеллажами с открытыми полками и запертыми на висячие замки сундуками, о содержимом которых знали лишь несколько посвященных. Все помещения мрачного полуподвала в данный момент пустовали. Лишь в небольшой каморке у лестницы черного хода сквозь неплотно прикрытую дубовую дверь пробивалась узкая полоска света и доносились приглушенные голоса.

В квадратной комнате с низким сводчатым потолком по углам были расставлены тяжелые, грубо кованные шандалы с горящими свечами. Свечи нещадно коптили и потрескивали, выстреливая вокруг себя охлопками мелких искр. Каждый раз, как это происходило, человек, сидящий посередине комнаты на колченогом стуле, робко вздрагивал и сжимался в комок, стремясь спрятать лохматую голову в плечи. В этом растерянном, объятom трепетом и до смерти напуганном существе теперь с трудом можно было узнать наглого и самоуверенного холопа боярина Бориса Салтыкова Семку Грязнова по кличке Заячья губа. Он похудел, осунулся и словно бы высох, как вяленый лещ на солнце. Одежда превратилась в рубище и дурно пахла. Неопрятная борода свисала клочьями, кожа пожелтела и сморщилась. На тощей, грязной шее под судорожнодвигающимся кадыком багровел большой рваный рубец – след от зубов боярина Салтыкова, едва не отправившего его на тот свет.

Семка пугливо жался на стуле, по-бабьи подгибая под себя ноги. Всем своим видом он хотел казаться маленьким, незаметным, вызывающим к себе жалость и сочувствие. Впрочем, эта бесхитростная уловка не могла ни смутить, ни разжалобить его собеседника, никогда не отличавшегося трогательной чувствительностью или каким-то особенным человеколюбием.

За узким столом, больше похожим на высокую лавку, уставленную склянками с порошками и разноцветными жидкостями, сидел, кутаясь в засаленный овечий кожух, накинутый поверх дорогого бархатного охабня, начальник Аптекарского приказа, кравчий с путем¹ Михаил Михайлович Салтыков, младший брат пребывавшего ныне «в заточении необратном» в одной из дальних деревень боярина Бориса Салтыкова.

Был Михаил почти точной копией Бориса, с той разницей, что всего в нем казалось меньше, чем в старшем брате. Стати, роста, страсти. Кажется, во всем он уступал опальному боярину, но люди, знавшие обоих братьев, ежели кто вздумал бы при них утверждать подобное, скорее всего только многозначительно ухмыльнулись, ибо знали, что по части хитрости и коварства не было при дворе человека искуснее Михаила Салтыкова. Спесивый и надменный Борис в этих темных сторонах человеческой души проигрывал младшему брату безоговорочно.

Михаил вертел в руках склянку из синего стекла, со смешанным чувством любопытства и презрения поглядывая на дрожащего Семку.

– Слюни подбери! – произнес он холодным и тяжелым как свинец голосом. – Верещишь, словно кликуша на базаре! Смотреть противно!

– Милостивец! Благодетель родненький! – завыл Семка, пуще прежнего всхлипывая и вытирая опухшее лицо грязным рукавом исподней рубахи. – Христом Богом молю! Вели своим людям не пытаться меня более! Я все, что знал, рассказал. За что ироды окающие тело мое терзают? Нет больше мочи терпеть такое живодерство! Не виноват я ни в чем!

¹ Придворный чин, ответственный за стольников, подающих еду и напитки. Кравчий с путем – тот, кому назначен твердый доход.

Михаил скривил рот в изуверской ужимке, обозначавшей у него улыбку, и зловещим полупшепотом спросил:

– Значит, говоришь, не виноват и все без утайки рассказал?

– Как на духу, соколик! Вот тебе крест! – встрепенулся Семка и неловко перекрестился разбитыми пальцами.

– Верю. Верю тебе, Сема! – поспешно махнул рукой Салтыков.

Голос его звучал по-отечески успокаивающе.

– Больше тебя здесь пальцем не тронут. Слово даю! А вот с виной огорчу. Невиноватых у нас здесь не бывает. Ты помни это, Семен!

Михаил обернулся и приказал стоящему за его спиной молчаливому как тень лекарю, одетому на иностранный манер:

– Дай ему пить.

Лекарь, не произнося ни слова, учтиво поклонился, показав безобразный горб на левой лопатке, тщательно и безуспешно скрывааемый под широкими складками старомодного пансерона², набитого для пышности пучками хлопка и пакли. Он взял со стола небольшую липовую ендову, наполненную водой, и протянул ее Грязному. Семка дрожащими руками схватил сосуд и жадно припал опухшими губами к его наполовину обломанному деревянному носику. Кадык судорожно двигался в такт «хрустящим» глоткам, вода текла по шее за ворот сорочки, оставляя на ней мокрые следы. Пил он долго и жадно, замочив не только рубаху, но и штаны.

Закончив наконец, Семка, блаженно улыбаясь, откинулся назад и неожиданно поймал на себе внимательный взгляд Салтыкова.

– Ну как? – спросил заботливый вельможа. – Хороша у нас водичка?

– Ох! – оскалил Грязной свою заячью губу в жутковатой улыбке. – Сладкая как мед! Спаси Христос, боярин!

– Не по чину величаешь, кадильщик, – улыбнулся Михаил одними губами.

Взгляд его стал колючим и пронзительным. Спросил:

– Еще пить будешь?

– Благодарствуйте, Михаил Михайлович, не откажусь, пожалуй, еще от одной! – ответил Семка, распрямляя плечи и протягивая пустую ендову иноземному лекарю. – Налей, басурманин!

В этот момент глаза его неожиданно помутнели, из рта, пузырясь, потекла обильная желтая пена. Семка схватился за горло, в кровь раздирая его ногтями. Из глотки вместе с утробным клокотанием наружу вырвались звуки, больше похожие на рев туманного горна. Наконец тело его обмякло, он откинулся назад и безвольно, как мешок брюквы, свалился спиной на каменный пол подклети. Ноги Грязного еще пару раз взбрыкнули ретиво, и все закончилось.

Салтыков мрачно посмотрел на скрюченный труп Семки и перевел взгляд на невозмутимого лекаря.

– Ты чего, тюлень чухонский? – зарычал он, свирепо вращая глазами. – Чего наделал? Обещал ведь медленно и незаметно!

Лекарь в ответ только безразлично развел руками и произнес с ужасным акцентом, с трудом подбирая нужные слова:

– То был опыт... попытка... в следующий раз будет лучше!

Горбун многозначительно поднял вверх указательный палец и веско добавил по латыни:

– *Experientia est optima magistra!*³

Обескураженный и раздраженный Салтыков в ответ только злобно плюнул себе под ноги, процедив сквозь зубы:

² Европейский камзол конца XVI века.

³ Опыт лучший учитель (*лат.*).

– Смотри, эскулап, дождешься! Когда-нибудь я тебя самого заставлю это пойло выпить. Для опыта!

Михаил одним движением плеча скинул на пол ненужный уже кожух и направился к выходу.

– Прибери здесь за собой и готовься к дальней дороге. Пришло время кое-кому познакомиться с твоими снадобьями, чухонец!

Вельможа вышел за дверь, оставив лекаря стоять над телом мертвого Семки в глубоком раздумье об услышанном.

Глава вторая

Салтыков быстрым шагом поднялся по узкой лестнице в верхние клетки приказной избы. Из закрытого потайной дверью от постороннего взгляда присеня он прошел в переднюю, соединенную арочным проходом с большой горницей, служившей одновременно кабинетом и приемной. В комнате за широким столом, покрытым изрядно полинявшим от времени красным сукном, заляпанным чернилами, сидел маленький чернявый человек с острой козлиной бородкой, одетый в простую однорядку песочного цвета. Звали человека Въялица Потемкин. Был он известным и уважаемым в Москве иконописцем. От него, как от любого богомаза, всегда соблазнительно пахло левкасом и масляным лаком. Впрочем, основным промыслом Потемкина являлась отнюдь не иконопись. Служил он подьячим двух приказов, Аптекарского и Иконного. На службе был неприметен и решительно незаменим. О таких людях говорили, что на них Земля держится.

Увидев вошедшего в комнату начальника, Въялица отложил в сторону документ, над которым трудился с самого утра, и, засунув гусиное перо себе за ухо, по-деловому, без лишней казенности в голосе произнес:

– Ну, Михайло Михайлович, заждался тебя, право слово!

– Дела были! – нехотя буркнул под нос Салтыков, но все же поинтересовался у подьячего: – А в чем дело? Почему спешка?

– Отписку пишу для Государя, – показывая рукой на отложенный в сторону лист бумаги, произнес Потемкин. – Читать будешь?

Михаил утомленно посмотрел на подьячего и досадливо поморщился.

– Это важно?

– Да как сказать? – пожал плечами степенный и рассудительный Потемкин. – Не особенно.

– Тогда рассказывай, и покороче! – кивнул головой Салтыков и, присев на лавку у входной двери, приготовился слушать.

Въялица дипломатично улыбнулся, покряхтел, прочищая горло, и произнес тихим размеренным голосом, словно требник читал:

– Пишу, значит: «Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу, всея Руси Самодержцу Владимирской, Московской, Новгородской...»

– Нет-нет! – всполошился Салтыков, ерзая на лавке. – Это пропусти. Давай сразу по существу!

Сбитый с толку Потемкин некоторое время молчал, разыскивая утерянную мысль, после чего продолжил все тем же тихим голосом:

– С Подвижня вести об моровом поветрии прища горющего⁴. Воевода Архангельский, князь Приимков-Ростовский сообщил, что источник заражения – это павшие за зиму лошади, с которых ямщики и крестьяне сдирали кожу. Причин же к излишнему беспокойству за пределами Двинской земли он не видит. Меры приняты самые жесткие. Устроены засечные линии вокруг очагов заразы. Засеки поставлены не только по всем шляхам, но и по малым стежкам, а на воде – у переездов, на волоках и у паромов. Охрана из городских стрельцов, по 25 человек на версту, а где стрельцов не хватило, набрал из местных поморов. Обещает, что мышь не проскочит!

Салтыков громко, «со вкусом» зевнул и торопливо перекрестил рот. Опасаясь, что начальник не захочет слушать остальное, Потемкин поспешил продолжить:

⁴ Сибирская язва.

– Из Пелыма вернулись врач Иоб Полиданус, аптекарь Годсений и толмач Елисей Павлов, посланные государем произвести обыск причин смерти воеводы, князя Никиты Андреевича Волконского. По их заверению, смерть воеводы произошла по естественным причинам из-за застарелой сухой усови⁵, о чем ими составлена подробная врачебная сказка. Также к бумагам приложено письмо принца Морица Оранского с ходатайством перед государем нашим об увольнении доктора Полидануса от службы...

– То дела посольские, – нетерпеливо отмахнулся Салтыков, перебив подьячего, – пусть Ванька Грамотин в Посольском приказе с этим разбирается. Тут наше дело – сторона! Есть что еще?

Потемкин искоса бросил на начальника осуждающий взгляд.

– Есть еще опись лекарей и подлекарей, направленных по стрелецким и солдатским полкам, для военной службы с утверждением их в звании «русских лекарей». А кроме того, сообщение об отбытии за рубежи державы нашей для обучения медицинским наукам двух сынов стрелецких, Ивашки Петрова и Степки Хромца, да отрока Валентина – сына старшего государева доктора Валентина Бильса. Ивашка со Степкой направлены в Болонский университет, а Валентин – в Лейденский, с годовым содержанием в 100 рублей.

– Сколько, – выпучил глаза Салтыков, пораженный этой неожиданной новостью, – 100 рублей? Да стрелецкий голова за все заслуги не больше 60 получает, а эта шпрота голландская, которая по малолетству еще в штаны ссытся, – 100!

– Воля государя! – пожал плечами Потемкин, не моргнув глазом. – Только думаю я, что пострел этот через пару лет еще прибавку попросит!

– Да! – задумался Салтыков, совиными глазами уставившись на подьячего. – И что же, нашим охламонам тоже по сто рублей положили, или как?

– Шутишь, Михайло Михайлович? – ухмыльнулся Потемкин. – У бога для барина телятина жарена, а для мужика – хлеба краюха, да в ухо. 25 на двоих отписали, и те с оглядкой, не слишком ли жирно получилось?

Салтыков рассмеялся, качая головой.

– Не нашему, значит, носу рябину клевать? Ладно, дело привычное. Отправляй отписку, Потемкин.

Салтыков поднялся с лавки, собираясь уйти, но, увидев сомнение в глазах подьячего, задержался:

– Ну что еще?

Потемкин помялся, подбирая нужные слова. Видя его сомнения, Салтыков сел обратно, нетерпеливо постукивая тростью по мыску сапога.

– Да я как раз об университетах этих, – произнес степенный подьячий, по привычке неспешно растягивая слова. – Много ли пользы принесла нам отправка юношей в Европу для обучения наукам медицинским? И дорого, и хлопотно, а пополнения собственных врачей в державе нашей как не было, так и нет.

– Что предлагаешь? – вопросительно кивнул головой удивленный Салтыков.

– А предлагаю я при Аптекарском приказе организовать лекарскую школу и брать в ученье стрелецких детей, и иных всяких чинов, не из служилых людей, кои к воинской службе неприспособленные. Обучать в школе четыре года лекарскому, аптекарскому, костоправному и алхимическому делу. Учитъ же обязать врачей-иностранцев и наших опытных лекарей. С четвертого года учеников распределять между лекарями для изучения хирургии и с оными наставниками посылать их в войска, которые в ту пору военные действия вести будут. Делать это необходимо для приобретения учениками опыта и уверенности в мастерстве своем. Тем самым, считаю, пользы державе нашей куда больше будет, нежели сейчас есть!

⁵ Плеврит.

Потемкин замолчал, вопросительно посмотрев на своего начальника. Тот задумчиво почесал нос.

– Маетно как-то.хлопот много. Но вообще я не против. Мысль толковая. Попробуй, может, и получится. Пиши челобитную царю. Считай, мое согласие на то у тебя есть.

Ободренный словами Салтыкова Потемкин решил выложить перед начальником еще одну из своих толковых мыслей.

– Я еще о чем думаю, Михайло Михайлович, надо бы нам людишками новыми в приказе прирасти!

– Зачем? – Салтыков посмотрел на своего подъячего с откровенным недоумением.

– Мало нас. А дел много. На все рук не хватает. Сам посуди! Числится за приказом два доктора, пять лекарей, один аптекарь, один целитель по глазным болезням да пара толмачей, вот и весь расклад!

– И ты считаешь, этого мало? – развел руками Салтыков. – По мне, и два врача – обуза. Что за служба? Придут в приказ ко второй страже⁶, спросят о здоровье государя и свободны до следующего утра. Дармоеды. Добросовестно они только жалованье получают. Балсырь 50 рублей в год имеет, доктор Валентин – 200, и это – не считая кормовых. Десяток таких Балсырей, и казна опустеет!

– Все так, – охотно согласился Потемкин, ожидавший от своего начальника подобную отповедь, – только вот слышал я, посылает государь боярина Шереметева произвести обыск здоровья бывшей невесты своей, Марии Хлоповой, и посылает с ним доктора Бильса и хирурга Иоганна Бальцера. Других врачей в приказе нет, а ежели понадобятся? Где их брать? Опять у немчуры просить?

Потемкин замолчал, почесал затылок и добавил задумчиво:

– А скажи, Михайло Михайлович, почему царь послал к Хлоповой боярина Шереметева? Кажется, было бы разумно поручить это дело тебе?

Михаил неожиданно помрачнел и насупил, видимо, Потемкин, сам того не желая, наступил начальнику на больное место.

– Государь не обязан извещать о причинах, – буркнул он сердито и, поднявшись с лавки, направился к выходу, – пиши, Потемкин, челобитную, я пошел обедать. К первой ночной страже⁷ вернусь.

Потемкин встрепенулся и хлопнул себя ладонью по лбу.

– Михайло Михайлович, чуть не забыл, черница из Вознесенского монастыря приходила с посланием. Матушка твоя, старица Евникея, к себе обедать звала.

Салтыков поморщился, словно кислицу надкусил.

– В общем так, Потемкин, ты меня здесь не видел, ничьих слов не передавал. Понял?

– Понял, – ответил рассудительный подъячий, видимо несколько не удивившийся такому ответу.

– И вот еще, – уже в дверях добавил Салтыков, – я у тебя чухонца горбатого, лекаря Преториуса забираю.

– Надолго?

– Не знаю. Как получится. Оформи ему подорожную, врачебные аттестации и пусть ждет меня.

Салтыков вышел на улицу. Порыв холодного ветра задрал полы его бархатного охабня и едва не сбросил в большой сугроб у крыльца щегольскую мурмолку⁸ из роскошного алта-

⁶ 9 часов утра.

⁷ 18.00.

⁸ Высокая шапка с плоской тульей.

баса⁹ с соболиным отворотом. Михаил поправил шапку, плотнее запахнул на себе края охабня и осмотрелся. Шел конец апреля, а весна пока едва обозначила свое присутствие в городе серой глазурью проседавших сугробов и талыми ручьями, струящимися вдоль деревянных мостовых. Солнце припекало по-весеннему, а до костей пробиравший ветер был вполне себе зимним. Кажется, уже сама природа устала от затянувшегося ненастья.

– А ведь где-то сейчас тепло, – сокрушенно произнес Салтыков, – людишки в одних дудяшниках¹⁰ без порток бегают!

Он резво спустился с высокого крыльца аптекарского приказа, пересек Ивановскую площадь и, пройдя по переулку между Патриаршим двором и Чудовым монастырем, направился к Собакиной башне, возле которой имел свои каменные палаты.

– Мишка, стервец, ты куда же это направился? – неожиданно прозвучал за его спиной властный голос, заставивший замереть на месте.

⁹ Плотная шелковая ткань с орнаментом или фоном из волооченой серебряной или золотой нити.

¹⁰ Длинная вышитая рубаха.

Глава третья

Михаил, изобразив на лице нечаянную радость, медленно повернулся на знакомый ему с рождения голос. Из остановившегося рядом возка с откинутым на крышу войлочным пологом выглядывала маленькая сухая женщина, одетая в монашеские одежды.

– Маменька, вот так оказия! А я как раз о вас вспоминал! Надо, думаю, велеть дворне возок заложить да съездить матушку проведать! Не успел подумать, и тут такое счастье!

– Счастье не корова, за титьки не выдоишь, – сузив глаза, ядовито прошипела старица Евникея, – врешь ты, Мишка, как дышишь!

Она откинулась в глубь возка и поманила за собой сына.

– Ладно, не суть! Садись, чадо, разговор у меня к тебе есть.

Михаил неуверенно потоптался у возка.

– Да я как бы домой шел... – произнес он с сомнением в голосе.

– А я подвезу! – холодно ответила старица, метнув на сына жесткий взгляд.

Недовольно кряхтя, Салтыков забрался в узкие возки и плюхнулся рядом с матерью на лавку, обитую мягкой английской бумазеей. Молчаливый возница стегнул коней вожжами, и повозка медленно заскользила в сторону Собакиной башни.

– С утра была у Великой государыни инокини Марфы Ивановны. Долго говорили! – произнесла старица и внимательно посмотрела на Михаила, видимо, ожидая вопросов, но Салтыков в ответ только кивнул головой, не проронив ни слова. Равнодушие сына раздосадовало монахиню.

– Тетка твоя сильно опечалена, – произнесла она обиженно, – но тебе, кажется, все равно, что беспокоит мать государя?

– Ну что вы, маменька, как можно такое говорить? Скажите скорее, что же тревожит тетушку-государыню?

Евникея скосила на сына недоверчивый взгляд и язвительно выговорила:

– А ты, Миша, будто не догадываешься?

– Истинный крест, не пойму, о чем вы, мама? – пылко перекрестился Салтыков.

Старица не поверила ни единому слову, но решила не обострять и без того сложные отношения с младшим сыном. Двусмысленно хмыкнув, она поманила его пальцем и с жаром зашептала на ухо, словно в возке, кроме них, находился кто-то третий, способный подслушать этот разговор.

– Государь наш своеволить стал, советы матушки не слушает. Хочет своим умом жить!

– Так на то он и самодержец, чтобы своим умом разуметь, – ухмыльнулся Салтыков.

– Мать дурного не посоветует! – сердито возразила монахиня. – Царь молод и горяч. Страстям своим не хозяин. Хочет из ссылки Машку Хлопову со всем ее горластым семейством возвратить, да чин царской невесты вернуть. Казалось, уже избавились мы от напасти, и вот опять!

– Да полно, матушка, – поморщился Салтыков, – в тот раз судьба нам благоволила. Облопалась девка сладостей до обидной неловкости, а пока животом маялась, государь прознал, что девица к царской радости непрочна.

Евникея возмущенно взмахнула руками.

– Не сам же прознал? Ты же ему и помог! А что сейчас мешает?

– Ну хотя бы то, что к Машке он не меня, а Федьку Шереметева с Богдашкой Глебовым посылает.

– Но врачи-то с ними твои едут? Прикажи! Ты же начальник.

Салтыков уныло посмотрел на мать.

– Моя власть в этом весьма ограничена, – произнес он с легкой тенью раздражения в голосе. – Они государевы люди. Что посчитают нужным, то и напишут во врачебной сказке.

– Вот развели басурман вокруг царя, плюнуть некуда, – проворчала Евникея и тут же больно схватила сына за запястье своими сухими, скрюченными от застарелого камчуга¹¹ пальцами.

– Ты, Мишка, думай, что делать. Тетка твоя, Великая государыня, на тебя рассчитывает. Салтыков покраснел от натуги, нахмурил брови и шумно выдохнул.

– Ну почему всегда я? Что других, никого нет? И что вам, матушка, далась эта пошлая девка? Хлопова – это тетушки забота, а нам надо Борьку из ссылки вырывать...

Не дослушав до конца, старица Евникея молча отвесила сыну увесистый подзатыльник, от которого волосы на его голове встали дыбом.

– За что, матушка? – опешил Салтыков, растерянно глядя на рассерженную мать.

– Потому что дурак ты, Мишка! Как был дураком, так дураком и помрешь. Если Машка станет царицей, Хлоповы с Желябужскими нас, Салтыковых, со света сживут. Поедешь в дальние деревни коровам хвосты крутить. А поможешь тетке от постылой избавиться, уж она-то в благодарность найдет способ Борьку ко двору вернуть и тебя, дурака, возвысит. Понял? Ну ладно, иди теперь и думай!

Тут только Салтыков заметил, что возок стоит у ворот его дома. Он молча вышел наружу, плотнее запахнув на себе бархатный охабень, и, повернувшись к возку, учтиво склонил непокрытую голову.

Евникея оправила на голове глубокий куколь с крестом и словами молитвы и ехидно заметила:

– Только не думай, Мишаня, что на тебе свет клином сошелся. Есть у Великой государыни и другие возможности, так что постарайся быть первым.

– Это что за возможности? – насторожился Салтыков и посмотрел на мать сквозь прищур холодных глаз.

– Не твое дело, – ответила старица, – ты о своем думай!

Полог задернулся, и возок, сорванный с места четверкой вороных коней, стремительно исчез за поворотом.

Михаил проводил его хмурым взглядом, обернулся и пошел, но не в дом, как можно было предполагать, а к другому возку, одиноко стоявшему чуть поодаль от проезжей дороги. Внутри возка сидел закутанный в шубу лекарь Преториус, прижимавший к груди небольшой деревянный сундучок, «скрыню»¹², за внешний вид прозванный в народе «теремом».

Салтыков молча уселся напротив лекаря и долго, не моргая, взирал на него пустым взглядом водянистых глаз. Молчание явно затянулось. Преториус нервничал, настороженно вглядываясь в лицо начальника Аптекарского приказа. Он кожей чувствовал, что именно сейчас должно произойти что-то важное, то, что изменит его судьбу. Он гадал, но не мог предположить, о чем в конечном счете пойдет речь. Очевидно было только одно: дело это было грязным и опасным, ибо только для таких дел Салтыков и держал чухонца подле себя.

– Поедешь в Нижний, к бывшей царской невесте Марии Хлоповой, – проговорил наконец вельможа, откинувшись спиной к стенке возка, – скажешь, от государя послан, нужные бумаги Потемкин тебе сделает.

– И? – спросил Преториус, не дождавшись конца фразы.

– Никаких «и»! – резко одернул его Салтыков. – Лечить ее будешь со всем тщанием и заботой.

Худое лицо чухонца вытянулось в гримасу недоумения. Салтыков понизил голос.

¹¹ Артрит.

¹² Переносной секретер.

– Только вот, – прохрипел он, едва шевеля губами, – до прибытия дознавателей боярина Шереметева дожить она не должна. Понял?

– Понял! – удовлетворенно улыбнулся Преториус, осознав наконец суть своего задания. Салтыков несколько раз моргнул и, глядя на лекаря как на пустую стену, продолжил:

– Мать требует тетке помочь, а тут в пору свою голову из-под плахи уберечь. Пять лет назад врачебную сказку Балсыря с Бильсом, писанную для государя, я подделал, и отправилась порушенная невеста прямой дорогой в Тобольск, комаров кормить. А сейчас царь мне не доверяет. Дознавателями к Машке Шереметева с Глебовым шлет, а врачей с ними прежних посылает, Бильса да Балсыря! Понимаешь, что будет, если правда откроется?

– Понимаю! – охотно кивнул головой Преториус.

– Ничего ты не понимаешь, чухонец, – мрачно произнес Салтыков, тяжелым взглядом уставившись в переносицу собеседника.

– Ты думаешь, зачем я тебе все это говорю? А говорю я это затем, чтобы ты понял – жизнь твоя целиком от меня зависит. Порошок, что не дал царской невесте две недели от утробы кровавой¹³ избавиться, кем приготовлен был?

Лекарь невольно вздрогнул и опустил глаза в пол.

– Теперь понял? – холодно улыбнулся Салтыков. – Меня – коль правды не скрыть, лишат чина и сошлют туда, куда Макар телят не гонял, а с тебя на дыбе с живого кожу спустят и жилы вытянут. Так что не вздумай меня предать.

Михаил хлопнул приунывшего лекаря ладонью по плечу и вышел из возка.

– Езжай! – сказал он бодро и махнул рукой возничему.

– Деньги и бумаги получишь в Приказе.

Застучали копыта коней. Заскрипели полозья, и возок неспешно тронулся. Михаил не стал провожать его. Начинался апрельский снегопад. Легкие, почти невесомые хлопья снега, кружась, падали на землю, засыпая грязь и слякоть деревянных мостовых. Снега оказалось так много, что за короткое время лег он на землю слоем в два вершка. Салтыков поежился и, открыв тяжелую, кованную железом калитку, скрылся во дворе своего дома.

¹³ Дизентерия.

Глава четвертая

Три месяца спустя.

Душным июльским вечером, как раз накануне Собора святого архангела Гавриила¹⁴ по лесной стежке, лежащей в стороне от Великоустюгского шляха, неспешно двигались скрипучие дроги, запряженные мохнатым, облепленным колючками монастырским мерином. Двигались дроги от села Морозовицы в сторону Кичменгского городка. Управлял повозкой отец Феона. Его извечный спутник и ученик, послушник Маврикий, сидел за спиной монаха и, спустив ноги с возка, беспечно болтал ими в воздухе, словно деревенский мальчишка, едущий с отцом на городской рынок.

Развлекая себя подобным занятием, Маврикий не уследил, как с ноги его слетела лыковая калига¹⁵ и, совершив беззвучный полет по довольно высокой дуге, скрылась где-то в кустах боярышника.

– Ой-ой! – запричитал послушник, растерянно озираясь на учителя. – Отец Феона, лапоток-то мой улетел. Потерялась обувка!

– Ну, Маврикий! – сокрушенно покачал головой Феона, натянув вожжи.

Мерин, изумленный неожиданной задержкой, нехотя встал у поломанной березы и сосил на своих седоков большой желтый глаз, полный настороженности и недоверия.

– Ищи!

Подобрав полы ветхой однорядки, послушник резво соскочил с возка и, прыгая на одной ноге, скрылся в кустах. Феона проводил его озадаченным взглядом, осмотрелся вокруг и принюхался. Добродушная улыбка мгновенно слетела с его губ.

Маврикий, тяжело сопя и отплеываясь от лезущей в рот паутины, копошился между кустов в надежде отыскать пропажу. Но все было тщетно, время шло, а пропажа так и не находилась. Разочарованный и уставший, он сел на землю и, подняв глаза, оторопел от изумления. Старая калига, тихо покачиваясь, висела на суку прямо перед его носом. Сотворив крестное знамение, он поспешно водрузил лапоть на холщовую обмотку, перепачканную землей и выскотил из кустов с радостным воплем:

– Нашел! Я – нашел!

Ответом ему был короткий порыв ветра, едва не сбивший с головы вязаную камилавку, да испуганное кудахтанье сойки, стремительно сорвавшейся с ближайшей сосны. Учителя нигде не было видно. Поляна была пуста. Только монастырский мерин, привязанный вожжами к стволу березы, невозмутимо обгладывал листву с ближайших кустов жимолости.

– Отец Феона! – растерянно озираясь по сторонам, позвал Маврикий.

На робкий призыв Маврикия ответа не последовало. Это обстоятельство, неизвестно почему, сильно встревожило послушника. Кажется, тот же лес, что и раньше, окружал его и теперь, но ощущал себя в нем Маврикий довольно неуверенно.

– Отче! – дрожащим голосом повторил он. – Ты где?

– Я здесь, – послышался за спиной негромкий, спокойный голос учителя.

Маврикий обернулся и, увидев неспешно идущего в его сторону отца Феону, облегченно выдохнул.

– Отчего оробел, сын мой? – спросил монах, подходя. – Вижу, калигу нашел? Молодец!

Феона, как всегда, выглядел бесстрастным и невозмутимым, но жесткие складки на лбу и плотно сжатые губы выдавали в нем высшую форму сосредоточенности и внимания. За те пару лет, что Маврикий провел рядом с учителем, он неплохо научился разбираться в особен-

¹⁴ 13 (26) июля.

¹⁵ Башмаки из лыка, те же лапти.

ностях его внутреннего состояния и его внешних проявлений. В данный момент послушник видел: учителя что-то очень сильно насторожило и обеспокоило. Настолько сильно, что тревога невольно передалась и Маврикию.

– Что-то случилось, отче? – спросил он, понижая голос до шепота.

В ответ Феона улыбнулся одними губами и, кивнув головой, сухо произнес:

– Да, кое-что случилось.

Он поманил послушника за собой и, отойдя шагов на двадцать в сторону от того места, где они остановили телегу, задал вопрос:

– Ничего не чувствуешь?

От усердия Маврикий выпучил глаза и со свистом втянул в себя воздух.

– Нет, отче, ничего! – произнес он разочарованно после небольшой паузы, во время которой пытался разобраться в своих ощущениях.

– А если еще раз? – спросил Феона, сдержанно наблюдая за потугами ученика.

Маврикий виновато пожал плечами и, как осторожный луговой сурок, стал принюхиваться к веткам и листьям окружающих его растений. На этот раз он уловил тонкий, едва различимый запах стреляного пороха с кислым привкусом остывшей крови. Поискав глазами, он увидел мушкетную картечь, расщепившую ствол молодой осины и застрявшую внутри, а также капли застывшей и уже почерневшей крови на кустах, росших вокруг пострадавшего дерева.

– Здесь кого-то недавно ранили или даже убили? – произнес Маврикий и с печалью на лице осенил себя крестным знаменем.

– Молодец! – похвалил монах послушника, не обращая внимания на его горестный тон. – Продолжай!

Маврикий, вдохновленный поддержкой наставника, вострепнулся и осторожно, как учил Феона, двинулся вдоль края поляны, рассматривая следы возможного преступления. А следов оставлено было много. Все земля у простреленной осины сажени на три в округе была измята, истоптана сапогами и копытами лошадей. В некоторых местах земля оказалась столь обильно полита кровью, что мягко просаживалась при ходьбе, а трава нещадно липла к ногам.

– Господи Иисусе! – причитал Маврикий, крестясь. – Тут кровищи, как на бойне! Что же это?

– Да, – согласно кивнул головой Феона, – бой был не шуточный!

Он присел на корточки, подобрал что-то блестящее с земли и убрал к себе в поясную суму.

– Что там, отец Феона? – любопытствовал послушник.

– Ничего, – отмахнулся монах, поднимаясь на ноги, – безделица.

Он еще раз осмотрел поляну и спросил у послушника:

– Ну, Маврикий, что ты обо всем этом думаешь?

– Плохо, думаю, отче! Полагаю, случилось здесь злодейство незаконное!

– Продолжай?

– Ехали люди из Кичмень-городка в Устюг, должно быть, на ярмарку, а в кустах их разбойнички поджидали. Доехали рабы божьи до засады, бах-бах, тут и конец им пришел!

Маврикий, возбужденно размахивая руками, ходил вокруг места преступления, показывая учителю те места где, по его мнению, в момент преступления находились жертвы и их убийцы.

– Интересно! – без тени улыбки произнес Феона, глядя на ученика. – А скажи тогда, друг мой, много ли было нападавших?

– Не знаю! – опешил Маврикий, застыв на месте от неожиданного для себя вопроса.

– Вот как? Но сколько было тех, кто попал в засаду, ты, наверно, посчитал?

– Нет, – еще больше изумился послушник. – Как их сосчитать, отче? Разве такое возможно?

– А почему же невозможно? – пожал плечами монах. – Учись наблюдать, сын мой. Феона широким жестом провел воображаемую линию вокруг себя.

– Перед тобой открытая книга, буквы ее ты уже изучил, а вот слов еще не понимаешь!

Монах подошел к кустам, где, по предположению послушника, скрывалась засада, и произнес тоном учителя, читающего прилежному, но бестолковому ученику урок логики.

– Нападавших было пятеро. Двое конных. Остальные пешие. Вероятно, никого они намеренно не ждали. Надеялись на удачу. Вот она их и подвела!

Феона огладил седую, опрятно «подрубленную» бороду и отошел от кустов к проезжей тропе.

– Всадник, как ты верно подметил, ехал со стороны Кичменгского городка...

– Всадник? – перебил его послушник, недоверчиво качая головой.

– Всадник!

– Что, один? На лошади?

– Если без лошади, он был бы путником! – сухо произнес Феона.

Маврикий смутился и пояснил свой вопрос.

– Один, без спутников?

– Как видишь, – пожал плечами монах.

– Вот тут его сшибли с лошади и, навалившись артельно, стали грабить.

Он указал на приметный участок лужайки, местами до самой земли изрытый ногами и копытами.

Феона присел на корточки и провел ладонью по траве. Ладонь стала красной от крови.

– Не простой оказался мужичок! – произнес Феона с уважением к незнакомцу, вступившему в поединок с пятью вооруженными грабителями. – Сразу видно, мастер работал!

Маврикий нетерпеливо сопел над ухом учителя.

– А что видно, отче? Я тоже хочу!

Феона улыбнулся и обтер ладонь о край своей монашеской мантии.

– Здесь он уложил первого. Видимо, сразу насмерть. Нападавший больше не поднялся и истек кровью.

– А тут его попытались застрелить из мушкета, но, кажется, только прострелили кафтан.

Феона выковырял картечь из дерева и показал Маврикию маленький кусочек зеленого сукна, застрявший в стволе.

– Повезло ему! Зато о стрелявшем этого не скажешь. Скорей всего, саблей ему перерубили внутреннюю часть бедра...

Маврикий едва не плакал от растрепанности чувств. В его глазах застыл немой вопрос: «Как, отче? Откуда?»

Феона не стал мучить послушника догадками и пояснил:

– В самом низу живота, спереди, где начинается бедро, находится крупный кровеносный сосуд, или, как называл его Эрасистрат из Кеоса¹⁶, артерия. Если ее пробить, кровь будет бить фонтаном, и остановить этот поток уже не получится. Не успеешь трижды прочитать «Отче наш», как человек богу душу отдаст. А теперь осмотрись вокруг. Здесь кровью забрызгано все на сажень в высоту. Теперь понял?

Маврикий шмыгнул носом и кивнул головой. Спросил робко:

– А что потом было, отец Феона?

– Потом? Какой-то тучный человек на крупной и сильной лошади попытался свалить противника, но вместо этого сам оказался на земле.

Монах показал рукой на примятую траву и поломанные кусты можжевельника.

¹⁶ Греческий врач. Внук Аристотеля. (304 – 250 до н. э.).

– Тут произошла короткая схватка. Толстяк был ранен, а наш герой вскочил на лошадь и ускакал! Погони не было. Стрельнули пару раз в спину, не попали, на том и успокоились.

Маврикий стоял грустный и задумчивый.

– Как просто, когда тебе объяснят! Желал бы я тоже все понимать!

– Кто знает, друг мой, какой замысел вынашивает по отношению к тебе Господь? Но, полагаю, он намного превосходит твои желания!

Маврикий с благодарностью посмотрел на учителя и хотел что-то ответить, но неожиданно изменился в лице от новой мысли, пришедшей в голову.

– А убитые где? Неужто тела с собой забрали, отче?

– Хороший вопрос! – согласился Феона, цепким взглядом высматривая что-то в траве.

– Разбойникам трупы без надобности. Лишняя обуза.

От места побоища в сторону небольшого лесного оврага тянулась едва различимая дорожка из примятой травы, перепачканной кровью.

– Пошли! – кивнул монах послушнику и решительно направился в сторону оврага.

Хмурый Маврикий, преодолевая обычную робость, возникавшую у него при виде покойников, тем не менее двинулся следом, при этом то ли досадливо причитая, то ли бормоча душеспасительные молитвы.

Глава пятая

Лесной овражек, к которому подошли иноки, представлял собой яму-промоину, возникшую от весенних проливных дождей между оголенных корней столетних кряжистых сосен. Размер оврага имел небольшой, не более сажени во все стороны. Его прикрывала гора недавно срубленного лапника, небрежно набросанного сверху того, что уже начало издавать сладковатый запах трупного разложения, привлекая к себе полчища огромных, как трутни, навозных мух.

– Готов? – спросил Феона, отбрасывая в сторону сосновые ветки.

– Признаться, не очень...

Маврикий поморщился от навязчивого запаха, словно пришедшего из детских воспоминаний.

– Тогда отойди в сторону, – приказал Феона, не прерывая работы.

Маврикий тяжело вздохнул, деловито заправил полы однорядки за пояс и принялся помогать наставнику. Работали молча, не испытывая сомнения относительно того, что скрывали в овраге сосновые ветки. На дне ямы находились тела трех совершенно обнаженных мужчин. Двое лежали в неловких позах, уткнувшись лицами в землю, точно их просто свалили сюда, как мешки с гнилым луком, третий распластался на их спинах, разметав по сторонам руки и ноги. Это был крупный пожилой мужчина, с очевидными следами боевого прошлого. У него не хватало двух пальцев на правой руке и одного на левой. Одно ухо было разрублено пополам, а на другом отсутствовала мочка. Кроме того, старик был слеп. И если безобразный нарост на месте левого глаза говорил о том, что потерял он был давно, то на месте правого глаза зияла большая дыра, заполненная черной кровью и желто-зеленой слизью. Такую рану можно нанести только кинжалом или острием сабли. Удар был совсем свежий и, очевидно, послужил причиной смерти, ибо никаких других ранений, угрожавших жизни, отец Феона на теле незнакомца не нашел. Зато он обратил внимание на небольшой медный крестик на шее незнакомца.

– Надо же!

Феона повернул голову к Маврикию, стоящему чуть поодаль с пучком сосновых веток.

– Крестик не наш. Не православный. Покойный папистом был!

Крепкая рука схватила монаха за запястье.

– Kto tu jest?¹⁷

Феона с трудом разжал сильные пальцы умирающего и, не выказывая никакого удивления, спокойно произнес по-русски:

– Монахи Гledenской обители, ехали в Кичгородок по делам; а ты, горемыка, что здесь делал?

Вместо ответа слепец слегка приподнялся на локтях, ища отсутствующими глазами человека, разговаривающего с ним, и прохрипел, пуская кровавые пузыри:

– Mnich? To dobrze! Nazywam się Janusz Goleniewski z Nur¹⁸.

И добавил, переходя на русский язык:

– Ты схизматик, но теперь уже все равно. Прошу, отпусти мне грехи!

– Я не священник, я не отпускаю грехов...

– Я скоро умру! – произнес поляк с обидой в голосе.

– Я знаю. Тебе страшно?

¹⁷ Кто здесь? (польск.)

¹⁸ Монах? Это хорошо! Меня зовут Януш Голеньевский из Нур (польск.).

– Нет, мне просто жалко, что я умираю в одиночестве. Дома – рядом были бы жена и дети, и соседи, а здесь никого нет...

Феона посмотрел на умирающего с интересом, а Маврикий помрачнел и отошел в сторону.

– Мы будем с тобой рядом и проводим в последний путь. Маврикий, подойди ко мне!

Бледный послушник, поджав дрожащие губы, отрицательно покачал головой и отступил еще на несколько шагов назад. Феона не стал размышлять над необычным поведением своего ученика. Пожав плечами, он хладнокровно произнес:

– Изволь, я сам.

Некоторое время Феона молча сидел на краю оврага, всматриваясь в лицо умирающего, который, кажется, впал в беспамятство, но так только казалось.

– Mnich, tu jesteś?¹⁹

Феона взял ладонь умирающего в свою руку.

– Здесь. О чем ты думаешь?

– О том, что я осужденный грешник!

– Неутешительно. А есть то, что могло бы тебя утешить?

– Ничего! Я слишком много грешил в этом мире, чтобы рассчитывать на прощение. Вина моя перед Господом безмерна.

Монах печально улыбнулся и отрешенно посмотрел на небо.

– Иисус пролил свою кровь за всех, и за таких грешников, как ты, – задумчиво произнес он, – однако сам грех и его искупление в вашей Церкви понимается исключительно как поступок. Никакого понятия о поврежденности человеческой природы. Только вина.

– А разве у вас не так?

Поляк сипел и едва дышал, с уголков губ и развороченной глазницы текли струйки крови. Очевидно, что боль доставляла ему невыносимые страдания, но он не собирался прерывать разговор. Он не хотел или боялся остаться один в последние минуты своего земного бытия. Отец Феона понимал и уважал желание старого вояки, встреча с которым при других обстоятельствах не предполагала мирного исхода. Он продолжил разговор с умирающим.

– Православная Церковь рассматривает грех не как вину, а как тяжелую болезнь. Грех – не вина за нарушение законов человеческого бытия, а последствие нарушения Законов Божьих!

– Ты интересный собеседник, чернец! Жаль, что мне пора! Может, встретиться мы раньше, и не смерть была бы исцелением от моих грехов...

Они говорили еще некоторое время. Наконец Феона встал, и Маврикий явственно услышал, как учитель громко читал разрешительную молитву над телами убитых поляков. Маврикий не поверил своим ушам. Отец Феона отпускал им грехи!

Когда Феона подошел к Маврикию, тот был растерян и подавлен.

– Объясни, что с тобой происходит, сын мой? – спросил монах, глядя в глаза ученика.

Маврикий потупил свой взор и мрачно произнес:

– Десять лет назад такие чубатые в мою деревню пришли и всю вырезали. Баб, детей, стариков. Братишку с сестренками. Всех...

– Да, я помню! – кивнул Феона, с сочувствием глядя на юношу. Но послушнику этого было недостаточно. Голос его клочкотал от возмущения и боли.

– А ты, отче, им отпущение даешь? Почему?

Посмотрев на заведенного, как часовая пружина, ученика, Феона понял, что без серьезного разговора никак не обойтись.

¹⁹ Монах, ты здесь? (польск.)

– Так уж случилось, что мы с тобой, друг мой Маврикий, служители Господа нашего, а значит, посредники между Богом и грешником. Безусловного отпущения грехов – не бывает! Бог не нарушает созданные Им же Законы! Именно поэтому и посредник не может гарантировать отпущения грехов. Он может дать только надежду и облегчить страдания.

Маврикий упрямо покачал головой.

– Этот человек страдал не за веру, а за совершенные преступления!

– Это правда, – согласился Феона, – но смертный грех убивает бессмертную душу. Если человек умрет, не успев покаяться, то душа его уйдет в ад, и ей уже не будет надежды на спасение. Ты же добрый христианин, Маврикий, ты умеешь прощать! Прости и освободи себя от тяжелого груза прошлого. Тебе сразу станет легче, и придет покой в душу! Со мной такое уже было!

Маврикий стоял и во все глаза смотрел на Феону. Во взгляде его отражались все чувства, разом нахлынувшие на него. Была боль, были сомнения, но главное, там было бесконечное доверие и почти сыновья любовь к своему учителю, без которого послушник не представлял существования в сложном и во многом непонятном ему мире.

Неожиданно его лицо наморщилось, как от пригоршни съеденной клюквы. Из глаз показались крупные слезы. Маврикий громко всхлипнул и уткнулся головой в плечо Феоны.

– Ну ладно тебе! – смущенно произнес монах, неловко погладив послушника по вздрагивающему от рыданий плечу. – А знаешь, что мы сделаем? – добавил он. – Поедем-ка мы обратно в Устюг! Кичменгский городок подождет, а вот воеводу Строиловой о происшествии известить нам следует. Как считаешь?

Маврикий вытер рукавом нос, мокрый от слез, понимающе кивнул головой и молча пошел отвязывать от сломанной березы застоявшегося монастырского мерина.

Глава шестая

Почти в то же время, когда отец Феона и Маврикий исследовали в лесу место своей страшной находки, в Гledenской обители случилось событие, весьма озадачившее монастырских насельников. Прямо во время службы Девятого часа²⁰ через открытые настежь Святые врата на площадь у собора Живоначальной Троицы, громяхая колесами по деревянному настилу, стремительно въехала крытая повозка, запряженная парой взмысленных лошадей. Два сторожа из монастырских трудников висели на постромках конской упряжи и вопили в голос:

– Стой, леший, куда вперся в святую обитель? А ну вертай взад!

В ответ возница, приподнявшись на облучке и выпучив глаза, полные паники и смятения, стегал бдительных стражей сыромятным кнутом, люто рыча и завывая:

– Пошли вон, обломы сиволапые! Зашибу!

На шум из собора вышел благочинный монастыря, отец Александр, занявший год назад освободившееся после старца Прокопия место. Осмотревшись, он решительно сбежал со ступеней храма и твердым шагом подошел к гомонящей толпе, к тому времени плотным кольцом окружившей повозку. Большая часть из собравшихся, очевидно, прибыла в обитель вслед за колымагой.

– Почто глотки дерете, православные? – произнес отец Александр резким, как барабанная дробь, голосом. – Здесь вам монастырь, а не городское кружало!²¹

Один из сторожей, находившийся ближе всех к благочинному, вскочил на ноги, отпустил лошадиную упряжь и, оправив задравшуюся однорядку, произнес, заикаясь от возмущения:

– Это все он! – трудник указал кривым заскорузлым пальцем на возницу. – Ему говорят, нельзя на лошади в обитель без благословения, а он все равно ломится!

Между тем человек, на которого указывал сторож, торопливо спрыгнул с облучки и, нарочито замахнувшись на трудника длинной сыромятной плеткой, свободной рукой откинул полог повозки, блеснув дорогими перстнями на пальцах.

Трудник поспешил спрятаться за фыркающими в упряжи лошадьми, а отец Александр невольно отпрянул назад, напуганный столь очевидной враждебностью, проявленной неизвестным, приехавшим в монастырь как простолюдин, на облучке, но одетого с придворной пышностью и богатством.

Незнакомец бросил на землю свой жуткий кнут, в его руках скорее похожий на боевое оружие, нежели простое средство побуждения к послушанию, и, низко склонившись, смиренно попросил у отца благочинного благословения. Озадаченный отец Александр перекрестил низко склоненную перед ним голову и дал поцеловать себя в руку и правое плечо. После чего хмуро спросил:

– Ты чего озоруешь, раб Божий? В святом месте подобное недозволительно доброму христианину!

Незнакомец посмотрел на отца Александра ошалевшими глазами, опять напугавшими монаха и произнес сирым, словно простуженным голосом:

– Беда у меня, отче! Племянница, девица юная, весь день весела была и вдруг чувств лишилась, и дух из нее словно весь вышел! Не дышит! Лекарь каркает, мол, помрет скоро. Одна надежда на тебя, отче!

– На меня? – закричал пораженный отец Александр, и глаза его округлились от ужаса.

²⁰ Соответствует четвертому, пятому или шестому часам дня по современному исчислению времени.

²¹ Кабак.

– Слышал я, живет в обители чудотворец, старец Иов. Будто знает он прошлое и видит будущее. А еще говорят, что одной молитвой может исцелить любого! Допусти к нему, отче, во имя Христа!

Отец Александр нахмурился.

– Живет в обители сей праведный инок, это правда! – качнул он головой. – Только скажу тебе, что большую часть историй про него люди сами и сочинили.

– А ты все равно допусти.

Благочинный раздосадованно прикусил нижнюю губу и отрицательно качнул головой.

– Старец Иов уже третий день в затворе наедине с Господом! Он не примет тебя. Лучше иди в храм и помолись о своей племяннице. Хочешь, я помолюсь о ней вместе с тобой?

Проситель раздраженно раздул ноздри и тяжело засопел. Обернувшись назад, он кивнул головой пятерым молодчикам, стоящим отдельно от других посетителей монастыря. Все пятеро без лишних слов засучили рукава своих темно-красных косовороток.

– Это чего это? – спросил вмиг оробевший отец Александр, глядя на их молчаливые, лишенные всяких переживаний лица.

– Я Иван Желябужский, – жестко произнес его собеседник, – московский дворянин, а племянница моя Мария Хлопова, нареченная царем невеста. Вот теперь подумай, монах, что будет, коли она умрет, а ты ничего не сделаешь?

Отец Александр побледнел, сглотнул сухой ком в горле и опасливо посмотрел на Желябужского.

– Идите за мной, – произнес тихо и, обернувшись, медленно пошел в сторону хозяйственного двора.

Иван Желябужский махнул рукой. Пятеро холопов осторожно извлекли из повозки бездыханное тело молодой девушки и осторожно понесли за ушедшим хозяином. Следом из телеги, крихтя и охая, выбрались, на ходу оправляя одежды, еще две женщины и один мужчина. Та, что моложе, звалась Прасковьей и приходилась Желябужскому женой. Старуха была Ивану матерью, а Марии родной бабкой. Величали ее баба Маня, вдова славного «делателя» города Рыльска, воеводы Андрея Хлопова.

За старухой шел, слегка припадая на левую ногу, лекарь Преториус, одетый в длиннополое иноземное платье черного цвета, напоминающее монашескую рясу. В одной руке он держал свой неразлучный сундучок «скрыню», а другой все время поддерживал чудной для русского глаза берет красного цвета, более всего похожий на перевернутую бадью. Горбун не переставал занудливо причитать, упрекая всех вокруг себя в варварстве и научном невежестве.

– Это есть *obscurantis*²², – бубнил он в спину бабы Мани, с трудом подбирая русские слова. – Это никак не можно быть! Нарушение баланса жизненных соков ведет к пагубным для жизни болезням, а все четыре гуморы в теле госпожи Марии пришли в совершенный беспорядок, который уже невозможно исправить, тем более какому-то невежественному монаху.

– *Mors levis donum ultimum est, que fortuna dare potest*²³, – добавил лекарь, веско подняв указательный палец высоко над головой.

– Цыц, упырь, – прервала его разглагольствования сердитая баба Маня, которой надоело слушать бесконечные жалобы ученого чухонца. – Ты нашей веры не тронь! Сам только и можешь, что клистир ставить да кровь пускать.

– Это не вера, это *obscurantis*! – упрямо повторил лекарь непонятное старухе заморское слово, за что тут же получил крепкий подзатыльник, от которого его нелепый красный берет слетел с головы прямо под копыта лошадей из их упряжи.

²² Мракобесие (лат.).

²³ Легкая смерть – последний подарок, который может преподнести судьба (лат.).

– Пошел вон, басурманин, – не на шутку рассердилась старуха. – Наша вера – не твое дело! А упорствовать будешь, живо в холодном остроге окажешься.

Обескураженный таким исходом лекарь остался на месте, извлекать из-под возка свой головной убор, а строгая баба Маня заковыляла догонять далеко ушедших вперед родственников и слуг.

Тем временем отец Александр уже стоял в пыльной и пустой подклети старой казенной палаты у одного из крохотных помещений, которое облюбовал для уединения и молитвы старец Иов. Сквозь разохшуюся дверь из кельи в коридор пробивался тонкий лучик света от тусклой лампадки. Огонек светильника единственный указывал на обитаемость комнаты. Никаких звуков изнутри не доносилось.

Благочинный, смущенно кряхтя, заглянул в большую щель между иссохшими досками двери. Посередине кельи стояла почерневшая от времени сосновая колода, в которой, смиренно сложив руки на груди, лежал старец Иов. Лежал тихо, без движения, закрыв глаза. Даже дыхания не было слышно, и было совершенно непонятно, жив ли он или уже отошла в мир горний со святыми молитвами его чистая душа.

Соблюдая монастырский порядок, отец благочинный скороговоркой прочел Иисусову молитву. Ответом ему была тишина. Выждав полагающееся время, он второй раз прочел ее с тем же успехом. Не дождавшись ответа в третий раз, он постучал в дверь.

– Аминь! – хрипло произнес старец, продолжая лежать в гробу. – Какое дело заставило тебя, отец Александр, прервать мою молитву? Или ты забыл, что я в затворе?

– Помню, отец Иов, однако дело государевой важности, и потому прошу тебя покинуть затвор!

– Никакой государь не может помешать монаху молиться. Я не выйду. Ступай с миром. А людям, что за тобой стоят, так и скажи, что отец Иов передал: молитва – полпути к Богу! Пусть молятся и обрящут.

Отец Александр молча посмотрел на спутников и обреченно развел руками. Стоявший за его спиной Иван Желябужский в отчаянии рванул ворот кафтана, точно тот душил его, и упал на колени перед дверью затвора.

– Отче, не погуби! Девушка юная, невинная. Умирает. Днем еще щебетала, как птичка божья, а теперь лежит бездыханная. Пошто несправедливость такая? Помогите, отец Иов! Ты же можешь! Не дай злодейству свершиться!

В келье послышался скрип старой колоды, и голос старца произнес:

– Девушка? Как звать?

– Мария Хлопова, отец Иов!

Дверь резко распахнулась. Старец осмотрел собравшихся острым пронзительным взглядом и кивнул, указывая на девушку, лежащую на руках слуг:

– Она? Заносите ее в келью. Кладите и убирайтесь вон.

– А куда класть-то?

Слуги растерянно озирались по сторонам в поисках подходящего места. Иов рассердился.

– Тут есть что-то, кроме колоды?

– Нет, отче!

– Ну, значит, в колоду и кладите.

Выпроводив из кельи слуг и родственников девушки, Иов захлопнул перед их носом дверь со словами.

– Утром приходите!

– А что же нам до утра делать? – спросил за всех взволнованный дядя царской невесты.

– В храм идите. Молиться! – проворчал суровый старец. – Добрая молитва со дна моря достанет!

Посчитав ответ исчерпывающим, больше он не произнес ни слова. А донельзя взволнованным и огорченным родственникам ничего не оставалось, как последовать его простому совету.

Глава седьмая

Всю суету и превратности наступившего дня устюжский воевода Петр Стромилов пережил со свойственным ему хладнодушием и стоическим спокойствием. В конце концов, решив, что сделанного им сегодня вполне достаточно, он с чистой совестью отправился в светелку предаться послеобеденному отдыху, которого его чуть было не лишили обстоятельства. День был воскресный, оттого его присутствие на службе не было обязательным. Легко убедив себя этими соображениями, Стромилов, уткнувшись носом в пуховую подушку, уже через мгновение начал выдавать замысловатые трели с причмокиванием, присвистом и громовыми раскатами.

Из состояния сна праведного воеводу вывел гомон в сенях. Из подклети доносился громкий шум и площадная ругань, которая, впрочем, не смогла пробудить в нем непреодолимого любопытства, свойственного обычным людям в подобных обстоятельствах. Стромилов просто перевернулся на другой бок и захрапел пуще прежнего, полагая, что для искреннего проявления «сыновей» заботы и равнодушия к родному очагу у него есть полный дом челяди.

Впрочем, выспаться ему на этот раз все равно не дали. Как только шум утих, послышались поспешные шаги по лестнице, и в светелке закрипели половицы.

– Хозяин, беда пришел! – услышал он голос татарина Касима, служившего у него привратником. – Балшой человек с Москва прискакал. Дерется, однако! Тебя кличет.

Стромилов оторвал голову от подушки и изумленно посмотрел на слугу. Касим стоял в дверном проеме, неловко переступая с ноги на ногу, и прикрывал ладонью левую сторону лица.

– Грабли опусти! – приказал воевода.

Касим послушно опустил руку. Под уже заплывшим левым глазом багровел свежий синяк внушительных размеров.

– Вот это слива! – невольно восхитился Стромилов, поднимаясь с кровати и натягивая халат. – Славно он тебя отделал, басурманин!

– Иблис проклятый! – зашипел Касим, плюясь слюной ярости.

– Ладно, пойдем посмотрим, что за гость незванный в дом явился.

Воевода, неспешно запахивая полы парчового халата, двинулся к лестнице. Касим подобрал лежащую на лавке у входа саблю и протянул хозяину.

– Зачем? – удивился Стромилов.

– У-у, шайтан! Злой шибко! – убежденно заявил татарин, кивая головой.

Стромилов пожал плечами, но саблю все же взял. Вдвоем они спустились вниз. В сенях, оседлав лавку, как коня, сидел простоволосый поджарый мужчина в короткополом походном кафтане. Натренированный глаз воеводы сразу подметил свежий сабельный рубец на боку и дыру от мушкетной пули на правом рукаве дорогой чуги²⁴ незнакомца.

– Ты кто таков? – требовательно спросил воевода, выходя на середину сеней. – Чего буянишь в чужом доме? Давно батогов не получал? Прикажу казакам, живо на съезжий двор сведут да взгреют дюжиной горячих...

Незнакомец, словно прицеливаясь, уставился холодным взглядом в переносицу воеводы и тихим змеиным голосом прошепестел:

– Это ты у меня, Стромилов, сейчас в холодную отправишься! Я тебя в пыль сотру. Ты у меня до конца жизни у церкви Христа ради подаяния просить будешь!

– Да кто ты такой? Чего тебе надо? – возмутился воевода, пораженный наглостью незнакомца, смевшего угрожать ему в его собственном доме.

²⁴ Чуга – ездовой кафтан.

– Я – начальник Земского приказа Степан Проестев и здесь не забавы для, а по государеву делу!

Жесткий и высокомерный тон гостя, казалось, не терпел возражений и полагал полное себе подчинение, но Юрий Яковлевич был тоже не лыком шит. За долгую службу всякого повидал.

– Чем докажешь? – заорал он, свирепо вращая глазами. – У меня таких Проестевых каждый день по пучку, каждую седмицу по поленице! Бумага у тебя имеется? Без бумаги я – апостол Петр, а вот кто ты, я не знаю?

Проестев неожиданно усмехнулся, скривив тонкие, почти бесцветные губы, и, порывшись за пазухой чуги, вытащил свиток, скрепленный государевой печатью.

– Читай, крапивное семя! – протянул он грамоту воеводе.

Стромилов рывком развернул и внимательно изучил документ. Под пристальным взглядом гостя проверил на свет водяные знаки, и лицо его мгновенно озарилось редкостным радушием и любезным участием.

– Прости, Степан Матвеевич, не признал. Богатым будешь!

Проестев еще раз криво усмехнулся и убрал свиток обратно за пазуху.

– Я-то точно буду! – произнес он едко. – А вот про тебя того же сказать не могу!

Озадаченный Стромилов только руками всплеснул.

– Да что ты меня все стращаешь, Степан Матвеевич, скажи наконец, что я сделал?

– Что ты сделал воевода, я пока не знаю, а вот что не сделал, могу сказать. Где девица Мария Хлопова?

– Где? – переспросил воевода, выпучив от удивления глаза. – Ну увезли ее в Гледенскую обитель. Люди говорят – кончается девка. Выживет, нет – одному Богу известно.

Проестев нахмурился и тяжело засопел.

– Если она там, то почему ты здесь?

– А я ей что, доктор? – сердито огрызнулся воевода. – Чем я ей помогу?

От негодования Проестев вскочил на ноги и крепкой рукой с силой прижал собеседника к стене.

– Ты, Стромилов, совсем дурак? У тебя царская невеста отходит, а ты подушку ухом давишь и совершенно ни при чем!

– Так невеста вроде порушенная?

– Кому порушенная, а кому настоящая. Едут к тебе порученцы царские, девице чин возвращать.

– А чего ко мне?

Стромилов выглядел обескураженным и слегка оробевшим. Очевидно, что новость застала его врасплох. Проестев огляделся и утомленно махнул рукой.

– Ехали в Нижний, да свернули, узнав, что Хлопова на богомолье в Устюге. Обошел их за Никольском по лесным стежкам.

Стромилов посчитал в уме и сокрушенно пробормотал, теребя бороду:

– Так это рядом совсем!

– Думаю, дня через два жди гостей, – согласно кивнул Проестев и бросил сердитый взгляд на Стромилова. – К слову сказать, знаешь ли ты, воевода, что у тебя под городом поляки разбойничают? Едва живым от них ушел!

– Ишь ты! – с деланным участием покачал головой Стромилов. – В прошлом году, под зиму, казалось, всех кончили?

– Выходит, не всех, – резко перебил Проестев, – пятеро их было! Трех я положил, двое остались!

– Нешто троих? – В голосе воеводы послышалось искреннее уважение к собеседнику. – Тотчас распорядись облаву устроить! От меня не уйдут!

– Ладно, не суть, – досадливо отмахнулся начальник Земского приказа, – Расскажи про Хлопову! Только подробно, не упуская мелочи!

– А чего рассказывать-то, Степан Матвеевич? – Стромилов помялся, подбирая слова. – Приехали третьего дня. Как ссыльных поместил у себя в гостевой половине, под надзор. Все хорошо было до сего дня. А сегодня вдруг упала в горнице, и дух из нее вон!

– Подробнее, воевода, – раздраженно повысил голос Проестев, – подробнее, с кем была, что делала, кто заходил?

Стромилов почесал затылок, вспоминая.

– С дворовыми девками сидела, вышивала. Приходила ключница, принесла пряники с пастилой, которые Мария Ивановна любит без памяти. Потом доктор, государем присланный, заходил. Принес шкалик с микстурой. Он его каждый день носит. Да еще старуха Балабошка тайком заглядывала.

– Кто такая?

– Знахарка местная, – Стромилов немного смутился, – сам не проверял, но люди говорят, хорошо чечуй заговаривает²⁵.

– Понятно.

Проестев на мгновение задумался, уставившись в крашенные доски пола. Мысли его были проворны, а решения стремительными.

– Расскажи мне про доктора?

– Да чего рассказывать? Обычный немец, только, сволочь, горбатый.

– Ты хоть бумаги его видел? Подорожную, врачебные аттестации, кто выдал, когда?

– Обижаешь, Степан Матвеевич, первым делом проверил! Подорожную подписывал дяк аптекарского приказа Вялища Потемкин. Я его руку еще по Москве помню. С остальными бумагами тоже все в порядке. Да в чем дело-то?

– А дело в том, что филин ты ушастый, а не воевода. Не посылал государь к своей невесте никакого доктора. Понял?

На лице Стромилова мгновенно отразились смятение, страх и пылкое желание кипучей деятельности одновременно.

– Да я его на ремни распушу, я ему...

Рассказать, какие еще безумные казни он придумает для самозванца, воевода не успел. Проестев остановил его словоизлияния, жестко усадив на лавку.

– Вот что, воевода, ты в это дело не лезь. Без тебя разберутся. Бери коня и скачи в Гледенский монастырь. Твое дело – Хлопова. Молись, чтобы девица выжила. А потом будешь ходить за ней по пятам и не дашь волосинке с ее головы упасть! Понял?

– Помилуй, Степан Матвеевич, что я ей, нянька, что ли? – завыл от обиды Стромилов. – У нее сторожей хватает... Уж прости, сударь мой, но это дело не для меня!

Проестев больно схватил воеводу за плечо и посмотрел ему в глаза своим жутким немигающим взглядом, словно пытался распилить его пополам.

– Ты не понял, Юрий Яковлевич, это не просьба и не предложение. Ты будешь охранять царскую невесту даже ценой собственной жизни. Если я прикажу, ты за ней не только ходить, ты носить за ней будешь... этот, как его?

Проестев защелкал пальцами, вспоминая забытое им слово.

– Чего носить-то? – хмуро поинтересовался Стромилов, обиженно сопя.

– Ну, это, – наморщился Проестев, – жопа с ручкой?

– Ночной горшок, что ли?

– Точно, – облегченно выдохнул начальник Земского приказа, – спаси Христос! А теперь поспеши в обитель и о том, что я здесь, никому!

²⁵ Геморрой.

– Да понял, не дурак! – буркнул Стромилов уязвленно.

Он вышел за дверь, и через некоторое время со двора донеслось лошадиное ржание и удаляющийся топот копыт.

Проестев расслабленно потянулся и завалился на лавку у окна, но, услышав шорох, резко поднялся на локтях. Всеми забытый татарин Касим все еще стоял в дверях, не зная, что ему делать.

– А-а, нехристь, ты еще здесь? Ну и хорошо! Сходи к ключнице, пусть принесет мне чего-нибудь из снеди. С утра ничего не ел!

Касим стоял в дверях и не двигался, рассуждая, правильно ли будет выполнять поручения незваного гостя. Но Проестев умел быть убедительным.

– Чего встал, как истукан? Иди исполняй. Не зли меня!

Привратник неуклюже поклонился, прикрывая ладонью подбитый глаз, и отправился искать ключницу, на ходу сокрушенно цокая языком и приговаривая:

– У-у, шайтан!

Глава восьмая

В покоях Великой Государыни инокини Марфы Ивановны, занимавших добрую четверть Вознесенского монастыря, несмотря на теплый июльский день, все окна были наглухо закрыты железными ставнями и плотно занавешены бордовым дамастом, вышитым зелено-голубыми ирисами, розами и геральдическими коронами. От обилия ослопных свечей, чадающих низкие сводчатые потолки обители, трудно было дышать, но тихие, молчаливые черницы, деловито снующие по комнатам, казалось не испытывали никаких неудобств. Не проронив ни слова, они словно бестелесные тени возникали и таяли в многочисленных нишах, арках и дверных проемах покоев матери-царицы.

На невысоком каменном возвышении у большой изразцовой печи, в резном кресле из темно-палевого мореного дуба величественно восседала дородная старуха с корявым, битым оспинами лицом, одетая в черные монашеские одеяния. Инокиня Марфа даже в девичестве особой красотой не отличалась. Скорее уж дурнушка с мужскими чертами и грубым голосом. Да и происхождение ее из костромских дворян было далеко не завидным. Как при этом Ксению Шестову удалось выдать за близкого родственника царя первого московского красавца и щеголя Федора Никитича Романова, было для многих загадкой. Поговаривали разное. Неведомо, чьи интересы преследовал и какие договоренности узаконил сей брак, но событие это, на первый взгляд малозначительное, в итоге имело весьма серьезные и неожиданные последствия, до основания перетряхнувшие устои на тот момент достаточно крепкого и весьма самонадеянного государства Московского.

Как бы то ни было, но справедливость требует сказать: что бы ни лежало в основе их союза, семья Романовых получилась крепкой. Жили без большой любви, но в добром согласии. Шестерых детей родила Ксения Федору, однако пережить младенчество выдалось лишь двоим. Старшая – невзрачная и хворая Татьяна, наскоро выданная за князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского, по малому времени после свадьбы слегла и вскорости отдала Богу свою тихую душу, оставив опечаленного супруга бездетным вдовцом. Только четвертый по счету, любимый, трепетно опекаемый матерью и многочисленными тетками Мишаня пережил смутное лихолетье, ошеломившее русскую державу. Уцелел там, где сгинули многие более знатные и, вероятно, более достойные, но менее приглянувшиеся слепому провидению соискатели пошатнувшегося престола. Когда Господь не спешит быть узанным, он являет миру свою волю посредством случая! Михаил Романов весьма неожиданно для многих был провозглашен русским царем! То, чего десятилетиями интриг и заговоров добивался для себя его отец, Михаил получил почти без борьбы и без особого желания со своей стороны.

Государь утомленно откинулся на спинку просторного резного кресла из позолоченного ореха. Юная монастырская послушница с предельной осторожностью помогла пристроить больные ноги молодого царя на бархатные подушки, стопкой лежащие перед ним на полу и, поклонившись сперва матери, потом сыну, молча скрылась за дверь. Царь погладил себя по мучительно ноющему колену и посмотрел на мать. Взгляд его был изнурен и кроток.

– Не по душе мне наш разговор, матушка. Не понимаю я вас! – произнес он с укором, продолжая недавно начатую беседу.

Инокиня Марфа нахмурилась и в сердцах ударила посохом об пол.

– А понять меня, Миша, несложно, – произнесла она грубым, слегка дребезжащим, словно треснувший церковный колокол, голосом.

– Жениться тебе надо! Пять лет прошло с той злополучной истории! Что было, бывшем поросло. А ты все ждешь чего-то?

– Вашими молитвами! – повысил голос обычно смиренный царь, метнув в сторону матери колючий взгляд. – А три заморские принцессы, коих батюшка для меня сватал, в счет не идут?

– Идут, государь мой. Только скажи, каков в тех делах исход был? – ехидно отразила мать выпад сына.

Михаил холодно пожал плечами и отвернулся.

– В том моей вины нет!

– Верно, нет! Виноват медведь, что корову съел, а и та не права, что за поле ходила! Я говорила, тебе нужна девушка русская. Тихая, богобоязненная и послушная. И обязательно по родству, из своих. Так оно всегда надежнее! Вот Анна, Потапа Нелидова дочь, чем тебе не невеста?

– Опять вы за свое, матушка... – поморщился царь, вытирая ладонью вспотевшую от духоты шею.

– Нет уж, ты послушай! – жестко перебила его Марфа, еще раз сердито стукнув посохом об пол. – Аннушка – девушка хорошая, скромная, почтительная. И красавица каких поискать! Опять же, Нелидовы род захудалый, да нам они – родня не последняя. За малую толику со стола верными псами престолу будут, а при верном псе, как известно, и сторож спит!

На круглом, добродушном лице Михаила от едва сдерживаемого негодования даже усы ошетинились.

– Мне ли говорить вам, матушка, – произнес он сухо, – для многих права наши на престол весьма зыбкими представляются, иные нечестивцы меня без робости самозванцем кличут. Одному Богу ведомо, сколько усилий приходится прилагать, чтобы вора́м этим рот закрыть. Да на каждый роток не накинешь платок. Во всяком случае, пока. Так что не след вам, матушка, огонь смуты маслом тушить!

– Это как же так?

– Вот так! Не большой секрет, что Нелидовы Отрепьевым прямой родней приходятся. Кое-кто обязательно вспомнит, что у Богдана, отца Юшки²⁶, была родная сестра Мария, вышедшая замуж за костромского дворянина Ивана Шестова и родившая ему дочь Ксению. Дай им повод, скоро распоследний московский мухоблуд и тартыга на каждом углу будет кричать, что самозванец Гришка Отрепьев тебе, матушка, двоюродным братом приходится, а мне дядькой! Ты этого хочешь?

Инокня Марфа только рукой махнула и, покачав седой головой, произнесла сокрушенно:

– Я внуков хочу! Сие и алчу больше всего! О том Бога молю! Время идет, а ты словно окаменел в своем унынии. Унынье – тяжкий грех! Что тебе эта Хлопова?

– Я люблю ее!

– Чушь несешь! Ты ее и не знал толком.

– Я обещал жениться!

– Пустое! Детские клятвы, что вода в решете. Было и прошло. Оставь прошлое в покое. Даже великие государи властны лишь над будущим!

Царь, скрестив руки на животе, не отводил грустных глаз от истертых досок крашеного пола перед ногами:

– Знаешь, что самое страшное, матушка? Я, Государь, наделенный правом даровать или забрать жизнь любого подданного, не властен над собственной жизнью!

Марфа отсутствующим взглядом посмотрела куда-то в пустоту поверх головы сына и холодно произнесла:

– Я знаю, Миша, но помазанник Божий не имеет права на обычную жизнь. Государь берет невесту в жены не для тихого семейного счастья, а для продолжения царского рода. Это его долг перед державой и людьми.

²⁶ Гришки.

Михаил, подняв голову, едва ли не первый раз за весь разговор прямо взглянул на мать. Глаза его по-прежнему выражали кротость и смирение, но упрямые складки по краям плотно сжатых губ говорили об обратном.

– Матушка, – начал он, осторожно подбирая слова, – зачем звали? Дело в следствии, что ведут Глебов с Шереметевым? Все еще желаете, чтобы я отступился от невесты своей? Извольте, но сначала я узнаю правду, а потом уже приму решение!.. И еще, – добавил он после краткой заминки, – почин мой с благословения Великого государя, Святейшего патриарха Филарета Никитича. Перед ним и ответ держать буду!

Ни один мускул не дрогнул на каменном лице инокини Марфы при упоминании ее грозного супруга.

– Мне жаль, Миша, что ты мог подумать, будто я могу желать дурного своему сыну! – произнесла она как можно мягче.

Глаза ее наполнились слезами. Марфа по-бабьи всхлипнула и неловко утерла их тыльной стороной ладони.

– Все, что я делаю, ради тебя! Не скрою, у меня было намерение отговорить тебя от затеи с Хлоповой потому, что считала ее легкомысленной, дерзкой и неучливой особой. Но, видя твою непреклонность, я с легким сердцем уступаю. Если Машка сделает тебя счастливым, кто я, чтобы противиться вашему союзу?

– Это правда? – растерянно спросил Михаил, и щеки у него задрожали от избытка чувств.

– Конечно! – не моргнув глазом, ответила Марфа.

Не в силах сдерживать себя, царь рывком вскочил с кресла и бросился в объятия матери. Плечи его сотрясали рыдания.

– Спасибо! Спасибо, матушка! – твердил он, хлюпая носом и глотая слезы счастья.

Марфа улыбнулась и, как в детстве, ласково погладила сына по голове.

– У меня будет одна просьба, – произнесла она вкрадчиво.

– Какая? – насторожился Михаил, осушив слезы кружевным батистовым платком, протянутым матерью.

– Хочу, чтобы владыка Арсений Элассонский участвовал в дознании.

– Зачем? Там уже есть один священнослужитель, пресвитер Варлаам из Чудова монастыря. Впрочем... – пожал плечами царь, увидев стальной блеск в глазах матери. – Изволь. Мне все равно, пусть едет. Только пусть помнит, главным – боярин Шереметев. Чтобы без склок!

– Вот и славно! – удовлетворенно воскликнула Марфа и еще раз раскрыла свои объятия сыну. – Иди ко мне, Миша, давай обнимемся, и иди с Богом! Устала я что-то сегодня...

Счастливым сын обнял улыбающуюся мать, подставив лоб под крестное благословение. Он поцеловал Марфе руку и неспешно, слегка прихрамывая, направился к выходу. Когда дверь за царем закрылась, улыбка медленно сползла с лица старой инокини.

– Мать Евникея, ты здесь? – спросила Марфа, не меняя позы и не поворачивая головы.

Потайная дверца в перегородке между двумя колоннами, поддерживающими низкие своды кельи, бесшумно отворилась, обнаруживая за ней небольшое помещение, служившее инокине Марфе для тайных встреч и секретных переговоров. Старица Евникея, шурша складками длинной мантии, прошла по келье и молча уселась на кресло, оставленное царем.

– Все слышала? – спросила у нее Марфа.

– Каждое слово, сестрица! – ответила Евникея.

Марфа покачала головой.

– Тянуть больше нельзя! Что там твой Мишка?

Евникея криво ухмыльнулась, обнажая ряд крепких, здоровых зубов, редких для людей ее возраста.

– Детищ мой скользкий, как лягуха болотная, но обещал все устроить как надо. Говорит, его человек при Хлоповой свое дело знает.

– Отрадно слышать, – кивнула Марфа, открыв маленький ларец, стоявший на изящном резном столике рядом с ее креслом, и вынула из него пару свитков, скрепленных ее личной печатью. – Однако, мы, сестра, тоже сложа руки сидеть не должны.

Первым Марфа протянула Евникее свиток побольше.

– Это отдашь начальнику Земского приказа Степану Прюестеву. А этот, – помахала она в воздухе вторым, – перешлешь сама знаешь кому! Только осторожно! Помни, только ты и я!

Старица Евникея утвердительно кивнула, успокаивая царственную родственницу, и, забрав оба письма, прошелестела к выходу, не проронив больше ни слова.

Оставшись одна, Великая государыня откинулась на спинку своего кресла и устало закатила глаза. Мимо нее словно тени сновали молчаливые черницы и монастырские служки. Иные, соблюдая все приличия, даже обращались к ней по каким-то неотложным хозяйственным делам, но старая монахиня не замечала их и не отвечала. Она думала!

Глава девятая

Утренняя служба показалась отцу Феоне чрезмерно порывистой и беспокойной. Монахи и миряне, присутствовавшие в храме, постоянно переглядывались и шептались между собой, суетными мыслями своими находясь далеко от событий земной жизни Спасителя, коим и была посвящена служба, совершаемая хмурым, сильно раздосадованным происходящим игуменом Илларием. Причина, разумеется, крылась в событиях прошедшего дня. Люди были возбуждены и захвачены думами о том, сможет ли старец Иов исцелить царскую невесту, или труды его пропадут втуне? Вера в чудесный дар старца у многих была сродни поклонению местночтимым святым, но все же, по уверениям некоторых самых сведущих и затейливых из присутствующих баламутов, состояние несчастной мало чем отличалось от вечного упокоения. А это, что ни говори, уже промысел Божий, с которым не поспоришь! Ясно ведь, что Бог не даст – сам не возьмешь.

Разумеется, что, как только служба в храме закончилась, вся толпа, отбив последние поклоны, хлынула к старой казенной палате у северных ворот. Люди сгрудились на небольшой площадке перед входом, из-за тесноты и скученности пихали друг друга локтями, ругаясь вполголоса, но нарушить покой сердитого старца не решались. В первых рядах, имея законное преимущество над другими, стояли бледные, насмерть перепуганные родственники Марии Хлоповой и пристроившийся к ним сбоку угрюмый устюжский воевода, нервно теребивший свою стриженную лопатой бороду.

Отец Феона, сопровождаемый заспанным Маврикием, неспешным шагом направился напрямик к Стромилову.

– Доброго здоровья, Юрий Яковлевич! – раскланялся монах. – Смотрю, и ты здесь?

– А где мне еще быть? – скривился воевода в подобии улыбки и тоскливо посмотрел на безоблачное небо. – Невеста царская!

Феона с прищуром посмотрел на собеседника и как бы между прочим поправил:

– Бывшая.

– Как знать? Жадной собаке много надо! – многозначительно пожал плечами Стромилов и отвернулся, не проявляя желания к дальнейшему разговору.

Монах, напротив, обнаружил присущую ему настойчивость.

– Заезжал к тебе перед Вечерней. Не застал. А Касим за ворота не пустил, жаловался на шайтана в доме!

– Чудит нехристь! – натянуто улыбнулся Стромилов. – Старый стал, несет всякую ересь. А ты чего хотел, отец Феона? – спросил он после короткой паузы.

– Хотел рассказать, что на восьмой версте старого Кичменгского шляха нашли мы с Маврикием трех зарезанных поляков. Еще двое живых ушли лесом. Судя по всему, направились в сторону Шиленги... Понимаю так – хотят убраться из Устюга.

– Знаю о том. Казачки с утра по следу идут, – раздраженно произнес воевода и тут же прикусил язык, но поздно. Феона встрепенулся и впился глазами в Стромилова.

– Откуда знаешь?

– Сорока на хвосте принесла, – нехотя ответил воевода, стараясь не смотреть на собеседника.

– Понятно, – усмехнулся монах, – не та ли это сорока, у которой шитая жемчугом корона на шапке?²⁷

Феона раскрыл ладонь. На ней лежало несколько крупных белых жемчужин.

– Это чего? – спросил Стромилов, скосив взгляд на жемчуг.

²⁷ Внешнее отличие старших офицеров («начальных людей»).

- Подобрал на месте побоища, – ответил монах, протягивая находку воеводе.
- Возьми вот! Будет желание, узнай у «шайтана», не его ли, часом, пропажа?

Стромилов вдруг побронзовел, как печеный лук, и, натужно засопев, испепелил Феону гневным взглядом.

- Вот скажи мне, отец Феона, как это тебе удастся?

- Что именно?

- Во все засунуть свой нос! Мне вот любопытно!

– Не обижайся, Юрий Яковлевич, – улыбнулся монах, примирительно положив ладонь на запястье руки собеседника.

– Просто подумай. У них всего две лошади, обе сильно нагруженные. Видимо, уходят с награбленным, в том числе в окрестных церквях и обителях. Как думаешь, бросят они свою ношу?

- Поляки? Да никогда! Корысть им глаза слепит да разума лишает.

– Вот и казачки так же думают. Поверишь, если после погони привезут тебе одних покойников?

Стромилов задумался, озадаченно почесав затылок.

– Ладно, отче, разберемся! – произнес он миролюбиво, остывая от бывшего гнева. – У нас всяк знает, где его сапог жмет.

На этом месте разговор прервался вдруг возникшей суетой, нервными перемещениями и громким шепотом людей, собравшихся около кельи старца Иова. Трудно сказать, что послужило причиной их неожиданного возбуждения, ибо спустя некоторое время после его начала ровным счетом еще ничего не произошло. Толпа, слегка пошумев, затихла в тягостном ожидании. Время шло. Наконец ветхая дверь кельи со скрипом отворилась, и на пороге появилась бледная, как мел, простоволосая девушка в красном саяне²⁸, собранном по бокам в мелкую складку.

Феона впервые за пять лет видел Хлопову и удивился изменениям, произошедшим с ней. По девичьим меркам была она не так уж и молода. Было ей уже за двадцать, а выглядела даже старше своих лет. Видимо, причиной тому была излишняя полнота, впрочем, несколько Марию не портившая. Красота бывшей царской невесты не потускнела с годами. Просто за прошедшее время юная девушка превратилась в молодую женщину. Хлопова устало прислонилась к дверному косяку и растерянно оглядела собравшихся пустым взглядом, словно не видя их.

Истошно заголосила старуха из толпы, в тон ей заголосили еще несколько. Похожий на лучшего мужик в синей косоворотке остервенело рванул ворот рубахи и, упав на колени, глотая пыль, пополз к келье Иова, трубя как иерихонская труба:

- Чудо! Свершилось, благодетели!

Как по команде толпа выдохнула:

- Чудо!

И загомонила на разные голоса. При этом каждый усердствовал исключительно для себя, не слушая и перебивая остальных. Опомнились и родственники царской невесты; со всех ног бросившись к ошеломленной девушке, они восклицали что-то бессвязное, трясая и щупая ее, словно бесчувственную куклу.

Длился этот бодрый базарный перегуд ровно до того срока, пока из кельи не вышел ее хозяин, невысокий, худой старик с большим пупырчатым носом, который не мог скрыть даже глубокий куколь на голове. Иов смерил собравшихся суровым взглядом немигающих глаз, наполовину скрытых лохмами седых бровей. Его изрезанное морщинами лицо, скорее напоминающее мшистый ствол старого кедра, было бесстрастно-непроницаемым.

²⁸ Особый женский сарафан, расшитый по швам золотым или серебряным позументом.

– Отец Феона, – проскрипел он, высмотрев монаха среди собравшихся, – поди сюда! Помоги мне!

Феона со всей осторожностью помог старцу переступить порог кельи, держа его под левый локоть. Выйдя наружу, старик благодарно кивнул, освобождая руку, и знаком отпустил монаха.

– Спаси Христос, – произнес он, с видимым трудом опершись на большую суковатую палку, служившую ему посохом. – Не уходи далеко! – добавил он, блеснув на монаха малахитовым глазом. – Подле побудь.

Отец Феона молча поклонился и отошел на пару шагов назад, про себя гадая, зачем он понадобился старцу.

Меж тем, взяв девушку за руку, Иов вошел в круг, образованный отступавшим перед ним народом.

– Ну, молодуха, – обратился он к бабе Мане, – забирай чадо. Милостью Божьей жива девка!

Старуха с хрустом сглотнула комок в горле, грузным телом неуклюже осела на землю перед старцем и осыпала его руку поцелуями.

– Чудотворец! Чудотворец! – твердила она сквозь слезы.

– Да полно, матушка, палий-то порвешь! Мантилька моя обветшала совсем, неровен час до срама разоблачишь благочестивого старца...

Посмеиваясь над собственной шуткой, Иов помог старухе подняться с земли и попросту толкнул ее в объятия внуки.

– Не по грехам нашим Господь милостив! Ее лобызай, а меня уволь!

Баба Маня, прижав к себе едва стоящую на ногах Марию, осмотрела собравшихся неистовым взглядом и, воздев к небу наперсный крест, висевший на груди, прохрипела низким, срывающимся от волнения голосом:

– По промыслу Господа нашего Иисуса Христа святой старец сотворил новое Чудо! Я говорила... я верила, когда Создатель с нами, кто супротив пойдет?

Бабка остановила лихорадочно мечущийся взгляд на держащемся за спинами Хлоповых и Желябужских иноземном лекаре.

– Ты, жаба заморская, – засмеялась она, указывая на чухонца пальцем. – Чего прячешься? Иди сюда, повтори, чего говорил? Разве не чудо на глазах твоих свершилось?

Бледный Преториус протиснулся в круг и, поджав без того узкие губы, упрямо замотал головой.

– Это не есть чудо! Это есть *obscurantis*. Науке не нужны чудеса, ибо они противоречат естественной природе, а болезнь – вещь естественная, она как пришла, так и уйти может. Блаженный Августин говорил, что чудеса противоречат природе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.